

даже имеющиеся в статье отдельные высказывания опущены. Исследования И. Лейнаса вызывают большой интерес не только у этнографов, но и у археологов и историков Прибалтики. Было бы крайне желательно, чтобы публикации собранных ею обширных материалов в будущем была возможно более полной. Существенно отлична по теме последняя статья рецензируемого сборника — Л. Ефремовой «Dažas Latgales latviešu zemrīcu ģimenes svinības 19. gadsimta otrā pusē» («О некоторых семейных торжествах латгальских крестьян-латышей во второй половине XIX века») (стр. 115—126). Научные интересы большинства этнографов Прибалтики, как и многих этнографов других республиканских и центральных научных учреждений, ограничены преимущественно исследованием отдельных сторон материальной культуры. Поэтому публикация статьи Л. Ефремовой, посвященной изучению некоторых сторон идеологии латышского народа, приобретает особую ценность. Л. Ефремова уже ряд лет занята изучением семейного быта латышей восточной Латвии (Латгалии), и включенная в рецензируемый сборник статья знакомит лишь с небольшой частью собранных ею материалов.

В данной статье рассматриваются два цикла обрядов: связанных с рождением детей и погребальных. Статья читается с большим интересом. Автор делает попытку объяснить происхождение отдельных обрядов. Она отмечает также, что многие дохристианские обряды, сохранившиеся в быту крестьян, приспособлялись и использовались в своих интересах католической церковью, имевшей огромное влияние в среде латгальского крестьянства.

Значение публикации подобных материалов, характеризующих идеологическую сторону крестьянского быта, было бы, однако, гораздо выше, если бы они относились не только к прошлому (XIX в.), а отражали и современность. Автор заканчивает статью призывом к советским историкам изучать и разъяснять народные традиции, чтобы успешнее бороться с устаревшими, не соответствующими социалистическому строительству обычаями. По нашему мнению, было бы уместно и в данной статье конкретно остановиться на тех старинных обрядах и обычаях, которые бытуют еще и по сей день и с которыми следует активно бороться.

В целом рецензируемые сборники заслуживают высокой оценки.

Удачно выбраны формат ($62 \times 92 \frac{1}{8}$) и шрифт. Расположение текста в два столбца дало возможность увеличить число иллюстраций. Оба сборника вообще иллюстрированы очень богато. В таблицах дано большое число предметов, и вместе с тем не создается впечатления перегрузки. Некоторые фотоснимки, ценные по содержанию, напечатаны несколько расплывчато. Зато все штриховые рисунки выполнены на высоком техническом уровне и с большим художественным вкусом. Особенной четкостью отличаются иллюстрации, поясняющие технику ткачества.

В последующих сборниках желательно увеличить число цветных иллюстраций, что имеет особое значение при публикации этнографических и археологических материалов по одежде.

С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ЯКУТСКОГО И МАГАДАНСКОГО МУЗЕЕВ *

В последние годы значительно оживилась краеведческая работа в ряде сибирских музеев. Об этом свидетельствуют рецензируемые сборники, подготовленные к изданию Якутским и Магаданским краеведческими музеями. И Якутский, и Магаданский музеи ведут большую экспедиционную работу по сбору археологических, этнографических и исторических материалов. Почти ежегодно, помимо экспедиций, сотрудники этих музеев совершают выезды в районы для изучения не только прошлого, но и современного быта и культуры коренного населения Сибири. Сборники научных статей Якутского и Магаданского музеев отражают многостороннюю краеведческую работу. Оба выпуска «Сборника» Якутского краеведческого музея построены по единому плану и взаимно дополняют друг друга.

Первый выпуск открывается статьей М. В. Местниковой «Емельян Ярославский в Якутском краеведческом музее» (стр. 3—22). Как известно, Ем. Ярославский, находясь в ссылке в Якутии (1913—1917), взял на себя обязанности консерватора Якутского краеведческого музея и впервые систематизировал его коллекцию. Благодаря его энергии, музей пополнился ценными этнографическими, ботаническими и минералогическими коллекциями и стал научным учреждением, единственным тогда в Якутском крае. В знак уважения к заслугам выдающегося коммуниста-революционера Якутскому республиканскому музею присвоено имя Емельяна Ярославского.

* «Сборник научных статей», Изд. Якутского республиканского краеведческого музея им. Емельяна Ярославского, вып. 1, Якутск, 1955, 169 стр.; вып. 2, Якутск, 1957, 185 стр. «Краеведческие записки», Изд. Магаданского областного краеведческого музея, вып. 1, Магадан, 1957, 108 стр.

В статье приводится также биография Ярославского. Автор справедливо подчеркнул умение Ем. Ярославского сочетать большую революционную работу с научно-исследовательской деятельностью.

Якутский музей систематически ведет сбор исторических материалов о большевиках — политических ссыльных в Якутию. Этой теме посвящена, например, статья научного сотрудника музея П. В. Попова «Антон Антонович Костюшко-Валюжанич в Якутии» (стр. 23—42). Костюшко-Валюжанич, член РСДРП, был сослан в Якутию в 1903 г., продолжал здесь революционную деятельность, участвовал в «романовском» протесте политических ссыльных в 1904 г., бежал из Иркутской тюрьмы, участвовал в революционном движении в Чите. В 1906 г. он был расстрелян карателями.

В экспозиции музея значительное место занимают современные промышленные очаги Якутии. Накоплен большой материал, отражающий их историю. Статья М. В. Местниковой «Золотопромышленный Алдан» (стр. 43—83) посвящена общему описанию Алданского района, истории открытия здесь золота, организации промышленности. В статье характеризуется подъем материального и культурного уровня приискового населения в наши дни.

Особый интерес для этнографов-сибиреведов представляет статья народного художника Якутской АССР М. М. Носова «Одежда и ее украшения у якутов XVII—XVIII веков» (стр. 84—137). Статья написана по материалам, добытым при раскопках якутских погребений XVII—XVIII вв. в центральных районах Якутской АССР. Сопоставляя раскопочный материал с рисунками якутской одежды, изображенными на гравюрах в трудах Георги¹, автор пришел к выводу, что извлеченные из погребений образцы сходны с одеждой якутов, широко бытовавшей в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. В статье характеризуется материал, из которого шилась одежда в XVII—XVIII вв. (кожа, ровдуга, мех, грубое сукно, холст, шелк): отмечается резкое отличие фасонов этой одежды от фасонов конца XIX в. В XVII—XVIII вв. шили укороченные расклиненные шубы и пальто с разрезами сзади и с боков до талии, без воротников, с прямыми рукавами, вшитыми без буфов. Для этой одежды было характерно наличие набедренных фартуков. В указанное же время носили капорообразные и конусообразные шапки с украшениями в виде рогов, рысьих и хорьковых мордочек и т. д. Автор описывает способы ornamentации одежды и ее характерные украшения. В статье приведены и расспросные данные о старинной одежде, собранные среди якутов центральных районов Якутской АССР.

На основе всех этих данных М. М. Носов сделал попытку восстановить полный комплекс якутской национальной одежды XVII—XVIII вв. Нельзя целиком согласиться со всей этой реставрацией, но описание головных уборов, верхней и нижней одежды, обуви и украшений, извлеченных из различных погребений, а также рисунок (реставрации) представляют несомненный интерес. Во то же время многие общие высказывания М. М. Носова вызывают возражения. Трудно согласиться, например, с таким утверждением: «Одежда любого народа и любой национальности по характеру костюмного комплекса, своей фактуре, способу изготовления и пошива, фасону и отделке отражает своеобразие и уровень культуры этого народа, достигнутый им в ту эпоху жизни, к которой относится эта одежда» (стр. 86). Как известно, такой прямой строгой связи между одеждой и уровнем культуры не существует. Этнография знает немало примеров, когда за сравнительно короткий отрезок времени одежда того или иного народа под влиянием соседних народов, моды, переселений резко видоизменялась, хотя это не сопровождалось ни подъемом, ни снижением уровня культуры.

Не совсем прав автор, утверждая, что «современные якуты, пользующиеся готовой одеждой и обувью фабричного изготовления, давно перестали одеваться в национальную одежду и даже утратили представление об ее фактуре, фасоне и отделке» (стр. 86). Действительно, в настоящее время полный национальный костюм не используется, но отдельные элементы его широко бытуют, например зимняя обувь. В современных якутских головных уборах можно видеть отражение национальных традиций. Отдельные части зимней якутской национальной одежды — дошки, меховые штаны, наколеники, «боа», рукавицы и т. д. — превратились в промысловый костюм.

Трудно согласиться с утверждением автора, что богатая якутская одежда XVII—XVIII вв., требовавшая при изготовлении большого труда и отличавшаяся особым искусством отделки, создавалась профессиональными мастерицами (стр. 132). Как известно, не менее замысловатые украшения одежды — вышивки, аппликации, бисерные отделки — еще недавно встречались у эвенов, эвенков, коряков, хотя профессиональных мастериц у них не было.

Не соответствует фактам и следующее утверждение М. М. Носова: «Особенностью якутов, отличающей их от других народов северо-востока Азии, является любовь к украшению своей житейской обстановки». Как известно, с меньшей любовью и искусством орнаментировали предметы домашнего обихода, утварь эвенки, чукчи, коряки.

¹ И. Г. Георги, Изображение одежд, принадлежащих к описанию всех народов, обретающихся в Российской империи. Собрание П. Народы татарского племени. СПб., 1776.

Непродуманные утверждения и некоторые стилистические небрежности (в статье встречаются, например, такие выражения: «демисезонные камзолы» (стр. 113), «мужской нательник» (стр. 118), «ровдуга из лосиной и оленьей шкуры наиболее интенсивно возделывалась якутами» (стр. 130) и т. д.) затрудняют восприятие статьи и снижают ее ценность.

По тематике к статье М. М. Носова примыкает статья И. Д. Новгородова «Археологические раскопки музея» (стр. 138—162), представляющая собой краткое обобщение работ музея по изучению погребений XVII—XVIII вв. на территории Якутии. Раскопки, как справедливо отметил автор, убедительно показали, что у якутов в XVII—XVIII вв. существовала своеобразная материальная культура, в значительной степени отличная от культуры XIX в. В статье на основе раскопочных данных (сотрудниками музея вскрыто свыше 80 погребений) дается краткое описание видов захоронений, похоронного обряда, похоронного инвентаря; приводятся свидетельства о борьбе русских властей и духовенства с якутскими наземными способами захоронения.

Автор привел весьма убедительные примеры о том, что некоторые раскопки подтвердили легенды о лицах, погребенных в этих могилах. Однако датировка погребений согласно легендам весьма сомнительна. Отделить погребения XVII в. от погребений XVIII в. затруднительно. Трудно пока отличить и якутские погребения от тунгусских (эвенкийских). Положительное разрешение этих вопросов можно получить, по-видимому, только в результате крайне тщательного сравнительного изучения способов захоронения, инвентаря всех вскрытых погребений. К сожалению, эта работа еще должным образом не организована музеем.

Первый выпуск завершается публикацией двух якутских преданий (в записи И. Г. Березкина), отражающих взаимоотношения якутов с русскими в XVII в. (стр. 163—169).

Второй выпуск «Сборника» был приурочен авторским коллективом к 65-летию Краеведческого музея. В статье М. В. Местниковой «65-летие Якутского республиканского краеведческого музея имени Емельяна Ярославского» (стр. 3—51) приведен ряд новых материалов о музее, истории его создания и развития и подробно описана современная экспозиция. К статье приложен составленный И. Д. Новгородовым перечень экспедиций и научных командировок, организованных музеем с 1891 по 1955 г.

Другая статья М. В. Местниковой — «Сангарский угольный рудник» (стр. 52—72) знакомит читателей с одним из промышленных центров Якутии.

Небольшой очерк А. Д. Сыроватского «Г. К. Орджоникидзе в Якутской ссылке» (стр. 73—93), написанный по документальным материалам, хранящимся в музее, рассказывает о деятельности Орджоникидзе в якутской ссылке. К этой статье примыкает статья П. В. Попова «Из воспоминаний о Петре Алексееве в последние дни его жизни в якутской ссылке» (стр. 94—115). Автор изложил личные воспоминания о русском рабочем революционере Петре Алексееве, а также рассказы о нем своих родителей. Семья Поповых, жившая по соседству с П. Алексеевым, была с ним в самых дружеских отношениях.

Статья М. М. Носова «Эволюционное развитие одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов» (стр. 116—152) является непосредственным продолжением статьи того же автора «Одежда и ее украшения у якутов XVII—XVIII веков», напечатанной в первом выпуске «Сборника». Рассматриваемый отрезок времени в развитии якутской одежды автор делит на три периода: первый — с конца XVIII в. до 1840—1850-х годов — характеризуется бытованием форм одежды, предшествовавшей эпохи, лишь с некоторыми изменениями в фасоне и отделке. Границами второго периода является середина XIX в., до 1880—1890-х годов. Автор считает, что именно в это время одежда «стала более оригинальной по фасону, приобрела колористическую яркость, красивую форму» (стр. 118). Начало второго этапа в развитии одежды Носов объясняет значительным завозом в Якутию тканей, украшений и влиянием более высокой художественной культуры русских мастеров.

Последний этап эволюции якутской одежды дореволюционного периода — 1880—1920-е годы — автор характеризует как период русификации одежды под влиянием завоза фабричной одежды из России. Изменения в фасонах (исчезновение, например, боковых разрезов) он пытается связать с изменениями в хозяйственной жизни якутов, в частности с сокращением кочевок.

В статье описывается комплекс якутской женской и мужской одежды, характерной для середины XIX в. Если описание одежды, данное М. М. Носовым, представляет большой интерес, то этого нельзя сказать о предложенной им периодизации развития одежды, аргументированной весьма слабо. Голословны и некоторые утверждения автора, например о том, что островерхие якутские шапки достигают своего кульминационного развития в 1870—1880-х годах.

Обращает на себя внимание содержательная статья И. В. Заборовской «Искусство художественной обработки дерева у якутов» (стр. 153—169). Статья написана по этнографическим коллекциям якутских музеев. Автор дает характеристику основных видов традиционной якутской посуды из дерева, изделий из дерева (шкатулки, резные подсвечники, солонки, трубки, резные календари, шкафы, кюветы, коновязи и т. д.), а также изделий из бересты (коробки, кошелки, табакерки, берестяные ведра) и способы их украшения. Высказанное И. В. Заборовской пожелание, обращенное

к работникам промысловых артелей, к молодым якутским мастерам, использовать в своих работах мотивы хранящихся в музеях художественных образцов и изучать якутские национальные орнаментальные мотивы несомненно заслуживает внимания.

Сборник заключают публикации якутских преданий, записанных И. Г. Березкиным и А. Д. Сыроватским в Усть-Алданском районе. Предания повествуют о якутском бунтаре Василии Манчары (XIX в.) и о времени родовых войн (XVII в.). Переводы снабжены подробными комментариями. Приветствуя публикацию переводов якутских преданий, позволяющих глубже понять исторические события, нельзя не указать на желательность приведения подлинных якутских текстов.

* * *

«Краеведческие записки», выпущенные Магаданским книжным издательством, представляют собой первый сборник статей авторского коллектива Магаданской областного краеведческого музея. Сборник открывается статьей Г. А. Пытлыкова и А. В. Беляевой «Археологические работы на Охотском побережье» (стр. 5—11). Авторы знакомят читателей с некоторыми результатами археологической экспедиции 1955—1956 гг., организованной Якутским филиалом АН СССР и Магаданским краеведческим музеем. Работа этой экспедиции производилась в Ольском районе.

Помимо выявления археологических памятников, сбора наземного материала, были произведены частичные раскопки жилищ и вскрыты три погребения. Собранный материал (керамика, топоры, гарпуны, наконечники стрел, каменные наконечники копий) рисует своеобразную неолитическую культуру населения Охотского побережья. Обитатели этих стоянок жили в землянках, охотились на китов, морского зверя, рыбачили, собирали моллюсков, промысляли диких оленей. Авторы считают, что эта культура была создана предками коряков. Это вполне вероятно. Издание собранных материалов, тщательный их анализ позволят в дальнейшем более полно обосновать эту гипотезу или отбросить ее. Представляется, что археологическая работа на Охотском побережье около Олы должна быть продолжена и распространена на соседние районы.

Статья У. Г. Поповой «О народностях Магаданской области» (стр. 12—30) представляет собой обзор сведений о коренном населении области, его хозяйстве и культуре. Автор поставил перед собой благородную задачу — познакомить молодежь, прибывающую по призыву Коммунистической партии и Ленинского комсомола на стройки Магаданской области, с народностями, издавна населяющими этот край. Это тем более важно, что за последние десятилетия Магаданская область в связи с развернувшимся социалистическим строительством пополнилась значительными массами пришлого населения. В хозяйстве Магаданской области коренные народности играют немалую роль. Автор касается в своем обзоре хозяйства и культуры чукчей, коряков, юкагиров, чуканцев, эскимосов, эвенов и камчадалов. Непонятно, почему в статье, как особая народность, выделены керекы (северная группа коряков).

Хотя обзор представляет в целом несомненный интерес для широкого читателя, в нем встречаются ошибочные положения и неточности.

Так, древнейшим занятием чукчей автор считает оленеводство, а морской зверобойный промысел — отраслью хозяйства, возникшей значительно позже. Последние археологические исследования убедительно показали, что оленеводство — сравнительно молодая отрасль хозяйства и, конечно, появилось значительно позже, чем зверобойный промысел. Достаточно напомнить, что на севере Америки, даже в областях, примыкающих к Северной Азии, оленеводство появилось лишь в конце XIX в.

Неверно также указание автора о том, что на территории Магаданской области проживают коряки-каменцы (стр. 16). Как известно, каменскими коряками называют пенжинских коряков, живущих около села Каменское, в низовьях р. Пенжины. Эта территория входит в состав Пенжинского района Корякского национального округа.

Едва ли автор сможет аргументировать фактами свое утверждение, что культ духов сложился и господствовал в эпоху материнского рода или что предки эвенов появились на территории Магаданской области именно в XV в.

В статье много неточных формулировок: «Жилище чукчей-оленьеводов — яранга — имеет несколько обтекаемую форму» или «коряки жили в полуподземных жилищах общинного типа» (стр. 17), «крупные бревна способствовали усилению тяги» (стр. 17), «диалектизмы языка» (стр. 13) и т. д. На стр. 22 термины «ламут» и «эвен» употреблены так, будто они обозначают различные народности.

Неверно утверждение автора о том, что никакими правами народы Крайнего Севера до революции не пользовались, что законы Российской империи на инородцев не распространялись. Как известно, с XVII в. русские законы были распространены и на коренное население Сибири. В исторических архивах сохранилось много документов, исходящих от якутов, ламутов, тунгусов, юкагиров, коряков, в которых они обращались к представителям русской власти с просьбами защитить их от нападений и грабежа со стороны своих же единоплеменников или соседей. И, как правило, русские власти вмешивались в такие конфликты и старались разрешить их мирным путем. Виновные в грабеже, убийстве привлекались к ответственности по русским законам. В 1822 г. был издан целый «Устав» по управлению народами Сибири.

Заслуживает внимания и небольшая заметка И. П. Лаврова «Уэленская косте-резная мастерская» (стр. 75—78). За четверть века своего существования коллектив

чукотской костережной мастерской прошел большой творческий путь. Мастерская оснащена современным оборудованием. Применяются новые методы обработки кости. Большая заслуга в этом самого автора, в течение ряда лет руководившего мастерской. Цветная гравюра (традиционные охотничьи эпизоды и сценки) обогатилась новыми современными сюжетами, сложными графическими повествованиями. Интересно сообщение автора о том, что костережным искусством, считавшимся в прошлом мужским делом, теперь занимаются и чукотские женщины. Короткая заметка разумеется, не раскрывает истории уэленской костережной мастерской, а скорее свидетельствует о том, что творческий путь этой мастерской и анализ художественных произведений, изготoвленных ею, должны стать темой особой работы.

Выявлению характера общественного строя чукчей-оленьеводов посвящена статья М. И. Куликова «Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысчылын» (богатых) (конец XIX — начало XX в.» (стр. 31—58).

Считая стойбище основной производственной единицей, автор выделяет три вида его: стойбища, объединявшие бедняков, стойбища, состоявшие из хозяйств равного достатка, и стойбища богатых. Опираясь общими категориями, автор пришел к выводу, что в стойбищах бедных оленеводов «земля — основное средство производства — являлась коллективной собственностью всего стойбища; олени, а также охотничьи и рыболовные принадлежности были собственностью глав семей» (стр. 34). Таким образом, основой существования здесь были совместный труд и «общинная форма собственности на основное средство производства — землю» (там же).

Такие же производственные отношения были и во втором виде стойбищ. Что касается третьего вида — стойбищ богатых, то, по мнению автора, «основным средством производства, определяющим характер производственных отношений в этом типе стойбищ, выступают олени, а не земля». «Земля», — указывает далее автор, забывая о своих первых утверждениях об общинной, коллективной собственности на землю, — не лимитировала развитие производства и отношений людей в процессе его осуществления. Пастбища, водопой, рыболовные угодья и т. д. не могли в этот период ограничить производство, так как земельных угодий было много» (стр. 37). Невольно напрашивается вопрос: почему же земля имела такое значение в стойбищах бедных оленеводов? Ответа на этот вопрос автор не дает.

Исходя из того, что олени — частная собственность хозяина стойбища, а олени батраков — их личная собственность. М. И. Куликов пришел к заключению, что пастухи фактически были лишены средств производства и находились в экономической кабале у крупных оленеводов. Затем автор поставил перед собой вопрос: кем же следует считать крупных оленеводов — феодалами, кулаками или рабовладельцами? Придя к выводу, что они не подходят полностью ни под одну из этих категорий, автор все же счел возможным сблизить крупных оленеводов с рабовладельцами и высказал мысль, что у чукчей складывались отношения «добровольного» рабства. Основания для этого он видит в том, что богатые оленеводы присваивали себе результаты труда батраков, лишенных средств производства (олений). Предполагая, что если бы батраки имели свои средства производства, то они не пошли бы батрачить к крупному оленеводу. М. И. Куликов причислил их самих к средствам производства, т. е. к рабам, смягчив несколько свое утверждение объяснением, что чукча-батрак все же во многом отличался от раба.

Характеристика социальных отношений в богатых стойбищах, данная М. И. Куликовым, так же, как и приведенные им логические рассуждения, представляется неубедительной. Бездоказательна и нарисованная автором картина формирования экономических отношений в трех видах стойбищ, чему посвящена значительная часть статьи. Отвлекаясь от конкретной характеристики чукотского общества в целом, автор невольно упрощает, модернизирует вопрос о социальном строе чукчей и подгоняет экономические взаимоотношения в стойбищах богатых оленеводов под надуманное определение «добровольного рабства». В действительности примитивное чукотское общество (так же, как и общество ряда других северных народностей, например, коряков, тунгусов), сложившееся в особых исторических условиях, не имело четко выраженной классовой структуры, хотя испытало на себе влияние различных общественных формаций. Первобытно-общинные отношения — коллективные навыки труда и коллективные способы распределения продуктов, обычаи взаимопомощи, гостеприимства и т. д. — тесно переплетались у них с элементами неравенства, эксплуатации, что характерно для патриархальных отношений².

Несомненный интерес представляют включенные в сборник воспоминания бывшего председателя Ольского ревкома (1924—1926) А. А. Кочерова (стр. 59—74). Автор — уроженец Олы не только коснулся революционных событий, но и привел данные о хозяйстве и образе жизни ольских эвенков, так называемых пеших тунгусов Охотского побережья. Воспоминания Кочерова рисуют борьбу с белогвардейцами-бочкаревыми, первые шаги Советской власти — национализацию товаров у купцов, организацию мест-

² На спорность выводов М. И. Куликова, «неустойчивость» его терминологии и неприемлемость применяемой им методики исследования указал в рецензии на «Краеведческие записки» Магаданского музея И. С. Вдовин (см. «Изв. ВГО», 1958, т. 90, вып. 5, стр. 487—488).

ных советов, первые мероприятия по реконструкции хозяйства кочевых и оседлых звенов.

Сборник завершается рядом статей, посвященных характеристике природных богатств Магаданской области, флоры, фауны, френологическим наблюдениям.

Выход в свет сборников Якутского и Магаданского музеев несомненно отрадное явление, и следует надеяться, что оба музея продолжат публикацию материалов по изучению своего края. В связи с этим нельзя не указать на общий недостаток этих изданий: сборники слабо отражают фонды — основное богатство музеев. Как известно, в обоих музеях, особенно в Якутском, хранятся ценнейшие уникальные коллекции, отражающие быт и культуру коренного населения. Научное описание этих коллекций, публикация фотографии рисунков, отдельных уникальных экспонатов принесли бы большую пользу науке, ввели бы в научный оборот новый материал.

И. Гурвич

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В УКАЗАТЕЛЕ ПО ИСТОРИИ СССР¹

Вышел в свет первый том указателя литературы по истории СССР, изданной в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1952 г. включительно. Этот том охватывает литературу по истории аншей страны с древнейших времен до выступления в период капитализма. Последующие тома, над которыми работает коллектив Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, включает материалы по истории СССР периода капитализма (т. II) и по истории советского общества (т. III). В «Указатель» включена также литература по археологии, этнографии и другим специальным историческим дисциплинам.

«Указатель» рассчитан как на исследователей в области истории СССР, так и на аспирантов и студентов старших курсов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Он принесет несомненную пользу также занимающимся этнографией. Представляет он ценность и для широкого круга читателей, интересующихся историей СССР.

Выход в свет такого обширного указателя — крупное событие в научной жизни, что уже было отмечено в печати. Соглашаясь с общей оценкой, данной «Указателем» на страницах журналов «Советская библиография» и «Вопросы истории»², мы хотели бы остановиться на имеющихся в нем этнографических материалах.

Можно приветствовать, что составители «Указателя»³ включили в него и этнографическую литературу, тем самым подчеркнув важность данного материала для изучения истории СССР. Привлечение этнографического материала дает возможность значительно конкретизировать преподавание курса истории СССР. «Данный «Указатель», — как пишут составители, — не заменяет специальных указателей по одной определенной теме или вопросу» (стр. 3). Но включение в него материала по этнографии особенно ценно потому, что в настоящее время еще нет специального указателя этнографической литературы, вышедшей в советский период.

Составители использовали не только отдельные книги, но и основные этнографические периодические и неперіодические издания, в числе их: «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (1946—1952), журнал «Советская этнография» (1931—1952; с 1926 по 1930 гг., журнал выходил под названием «Этнография»), «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР» (1918—1951), «Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР» (1947—1952). Были использованы и сборники статей, посвященные отдельным этнографическим проблемам: «Этногенез восточных славян» (т. I, М.—Л., 1941, изд. Ин-та истории материальной культуры АН СССР), «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Государственного Русского музея» (Л., 1926) и др. Вошли в «Указатель» и статьи этнографического характера из других журналов: «Северная Азия» (1925—1931), «Советское краеведение» (1930—1936), «Сибирская живая старина» (1923—1929) и др.

¹ «История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг., I — История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма». М., 1956, 725 стр. Приложение. Схема классификации. Вспомогательные указатели, Академия наук СССР. Фундаментальная библиотека общественных наук, 184 стр.

² С. Я. Боровой, Ценный вклад в историческую библиографию, «Сов. библиография», 1957, № 47, стр. 109—112; Н. В. Устюгов, «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 170—175.

³ Составители: И. П. Доронин (руководитель работы), А. Н. Байкова, Д. Я. Брилон, З. Д. Виноград, С. Н. Каптерев, Е. Д. Романова, К. Р. Симон, Е. М. Харламова. Ответств. редактор К. Р. Симон.